

վերլուծությանը: Հոդվածում կարմիր թելով անցնում է դեռահաս աղջիկների սննդակարգային փոփոխությունների և անձի ինքնադրսևորման, սոցիալական և մարմնային ինքնագնահատականի միջև կապի առկայության մասին միտքը: Խնդիրը վերլուծվել է անձի դասական տեսությունների լույսի ներքո, որոնք առաջ են քաշվել Ա. Ադլերի, Է. Ֆրոմմի, Է. Էրիկսոնի, Ա. Մալոուի կողմից: Հոդվածն ամփոփվում է Երևան քաղաքի տարբեր ուսումնական հաստատություններում ուսուցանող մոտ 200 դեռահաս աղջիկների շրջանում անցկացված հակիրճ դիտարկմամբ: Հետազոտության նպատակն է բացահայտել իրական և իդեալական Ես-ի անհամապատասխանության օրինաչափությունները և վեր հանել սննդակարգային վարքագծում առաջացած խախտումների հնարավոր պատճառները:

NAIRA HAKOBYAN

Doctor of Psychology, Professor

HASMIK SHAHINYAN

PhD in Psychological Sciences

GAYANE GRIGORYAN

PhD in Chemical Sciences, Associate Professor

ANALYSIS OF THE PROBLEM OF RESTRICTIVE, EMOTIONAL AND EXTERNAL DEVIATIONS OF FOOD BEHAVIOR FROM THE VIEWPOINT OF CLASSICAL PERSONALITY THEORIES

The article is devoted to the analytical study of the of occurrence problem of restrictive, external and emotional types of food behaviour as a basis for further transformation into eating disorders as a result of the influence of socio-psychological factors within the framework of classical personality theories. Highlighted through the article are the problems of self-actualization both in physical and social self-assessment of the individual as underlying determinants for modifying the eating disorders of teenage girls. The problem is analyzed through the prism of classical personality theories, proposed by A. Adler, E. Fromm, E. Erickson, A. Maslow. The article is summarized by a brief survey of the conducted research among 200 teenage girls from educational institutions in Yerevan. The study was aimed at determining the regularities of non-conformance of the “Real and Ideal I” and to identify possible determinants of deviation occurrence in eating disorder.

Հոդվածը ներկայացվել է տպագրության 02.09.2019թ.,
ուղարկվել է գրախոսության 06.09.2019թ., ընդունվել է տպագրության 26.09.2019թ.:

УДК 159.923

ВЛАДИМИР МИКАЕЛЯН

доктор психологических наук

ЧУВСТВО ТЕЛЕСНОСТИ И ЧУВСТВО “Я” В КОНТЕКСТЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ УРОВНЕЙ ПСИХИКИ

Аннотация

Каждый из нас, независимо от жизненных и профессиональных интересов, время от времени сталкивается с тем, что мы называем проблемой “Я”. Далеко не надуманная проблема периодически позиционирует перед нами, хотим мы того

или вовсе не желаем. Как мы понимаем то, над чем задумываемся? Как мы понимаем наше “Я”? С чем мы связываем это понятие и существуют ли автономные границы для этого понятия? Мы можем найти без малого несколько сотен определений понятия “Я”, каждое из которых раскрывает определенную грань этого понятия. Нам представляется правильным следующее: для того, чтоб понять, что мы можем помыслить, говоря о нашем “Я”, необходимо выяснить, с чем соотносится наше “Я”. Ведь так или иначе мы определяем это понятие в соотношении с иными психическими конструктами. Это понятие не самодостаточно, для своего определения оно нуждается в некоем соотношении. Нам представляется, что таким конкретизирующим конструктом может быть телесность.

Ключевые слова: бессознательное, границы чувства “Я”, телесность, телесность и “Я” личности, мышление и телесность, уровни психического аппарата.

Сталкиваясь с проблемой восприятия собственного “Я”, невольно приходишь к понятию телесности, приходишь к простой и ясной мысли: мы можем воспринимать свое “Я” лишь благодаря своей телесности. “Я” человека имеет телесный модус, вне тела чувство “Я” прерывается. “Я” – телесно и это простой психоаналитический факт. Объяснение приходит само собой: в состоянии сна, когда мы утрачиваем чувство телесности, мы также лишаемся чувства “Я”. В границах бессознательной психики отсутствует полноценное чувство “Я”, как и чувство телесности. При этом мы имеем дело со здоровым психическим процессом. Для сравнения: при деперсонализационном синдроме в состоянии бодрствования мы ощущаем отверженность, отчужденность чувства тела от “Я”, в нашем сознании мы знаем, что тело, которое мы видим, является нашим телом, но у нас отсутствует само чувство телесности. В состоянии сна мы утрачиваем как чувство телесности, так и чувство “Я”, но это чувство утраченности существует реально, это чувство не вызывает диссоциации, как при отчужденном восприятии тела. Наше “Я” существует благодаря нашему телу, вне тела “Я” не может существовать и функционировать по определению. Потребность в контроле над телом является попыткой контроля “Я”, это попытка постоянно держать в сохранности чувство целостного и непрерывного “Я”. **Страх соматического заболевания становится, таким образом, отражением страха утраты чувства “Я”.** Этот страх утраты чувства “Я” часто проявляется в патологическом внимании к органическим процессам при ипохондрическом синдроме (*morbis mirachialis*). Само название синдрома *hipohondrion* означает заболевания внутренних органов, лежащих ниже края реберной дуги. Во всяком случае, именно так объясняли ипохондрию врачи древности, в частности Гален. Страх заболевания – это проекция бессознательного страха утраты чувства “Я”. Если чувство “Я”, чувство осознания “Я” (если можно так выразиться) обусловлено функционированием тела, то любое соматическое расстройство оборачивается бессознательным страхом утраты этого чувства-осознания. В этом свете неудивительно, что при хроническом течении соматических расстройств у

больного формируется также психическая проблема того или иного рода. Разрушение образа тела является одновременно разрушением чувства “Я”. Чувство “Я” опирается на полноценное ощущение телесности, на целостный образ тела. В этом контексте становится понятным тот факт, что при расщеплении “Я” расщепляется образ тела, чувство телесности. Известно, что картины сновидений диссоциативных пациентов изобилуют отделенными друг от друга фрагментами тела. Чувство целостности является синонимом здоровья, исцелить и означает сделать целостным. Быть здоровым означает чувствовать себя функционально целостным.

Ощущение сопричастности “Я” к телу имеет бессознательный характер. На уровне здравого смысла эта сопричастность прослеживается неопределенно, смутно. При смене психических состояний связь между “Я” и телом, между чувством “Я” и чувством телесности прослеживается явно. В состоянии бодрствования связь между “Я” и телом, взаимная сопринадлежность этих конструктов является физическим фактом – мы ощущаем наше “Я” в той мере, в какой ощущаем тело. В состоянии сна, когда мы утрачиваем чувство тела, одновременно исчезает чувство-осознание “Я”. Однако даже в этом состоянии, в состоянии сна со сновидениями, мы часто испытываем вполне «реальные» физические ощущения, к примеру, боли или наслаждения. Каким образом в таком случае мы можем утверждать, что в состоянии сна мы утрачиваем чувство тела, если мы испытываем идущие от него ощущения? Конечно же, можно предположить, что эти ощущения носят мнимый, воображаемый характер, во всяком случае, на уровне допущения это объяснение не столь крамольно. Мы сталкиваемся в нашей жизни с такими явлениями, как фантомные боли, точно также мы можем предположить, что физические ощущения в состоянии сна со сновидениями могут носить такой же фантомный характер. Мы имеем в виду суть явления: при отсутствии реального органа, при отсутствии ощущения тела могут возникать такие состояния. Если это позволительно, то можно определить эти физические ощущения как фантомные, за неимением лучшего термина. Человек в состоянии сна со сновидениями может ощущать не только наслаждение и боль, он вполне может иметь ощущения различной модальности при отсутствии чувства тела. Взаимообусловленность и взаимозависимость тела и “Я” не позволяет доказательно выделить каузальность в картине формирования психосоматических расстройств. Конечно же, мы теоретически строим некие предположения о психогенных соматических расстройствах и соматогенных психических, тем не менее, наши предположения не всегда могут быть подкреплены доказательной базой. Единственный факт, который очевиден для большинства, это то, что чувство “Я” непосредственно определяется чувством тела, как впрочем, и наоборот. Мудрость творения связала “Я” с телом вовсе не случайно. Наше “Я” – телесно – наделим это предположение статусом реального факта. А теперь зададимся вопросом: также телесны ли наше мышление, наше чувство и наша воля? Наше мышление также имеет отношение к нашей телесности, однако, в патологических случаях. «Обращаясь к нашей внутренней

жизни, мы обнаруживаем в ее составе мысли, чувства и волю. И только наше мышление не зависит от нашей телесности, и в той же мере, в какой оно является здоровым. Ценитель мыслительного подхода к жизни знает, что благодаря мышлению он подчиняется независимым, чисто логическим закономерностям, ибо здоровое мышление неистощенного человека протекает автономно от телесности. Только патологическое мышление, когда болезнетворное начало проникает в мышление, делает человека зависимым от телесности. Значит, пока мышление здорово, оно автономно; оно погружается в телесность, попадает во власть телесного, погружается в бессознательное только при заболевании». [4,11]

Чувства и воля также погружены глубоко в телесность, но при этом они не приобретают патологичный характер, они сохраняют свой нормальный статус. Конечно же, наши представления о чувстве “Я”, о телесности этого чувства имеют определенную доказательную базу. Однако, если мы говорим о “Я” человека, о его телесности и мышлении, то, конечно же, необходимо также иметь представления об иных уровнях психического аппарата, в частности, о сознании и бессознательном. Подступая к проблеме бессознательного уровня психики, его взаимодействия с другими уровнями психики, нельзя не заметить, что этот уровень до сих пор является для нас чем-то мистическим и загадочным. Попытаемся подойти к этой проблеме с психодинамической точки зрения. Споры о значении и функциях бессознательного уровня психики и его связи с телесностью продолжаются постоянно. И это обстоятельство внушает хорошее настроение - ведь раньше ставилось под сомнение само существование бессознательного как такового. Несколько перефразируя Отто Ранка, мы можем сказать, что некоторые пребывают в иллюзии, а некоторые в истине, которая также когда-то была иллюзией. Наверно, изначально «слухи» о существовании бессознательного были очень тонко подслушаны у психических больных. И лишь затем эти «слухи» стали предметом исследования врачей и психологов. Как видно, не только земля, но и наука полнится слухами. Развитие науки не подвластно капризам снобизма и, хотя и это развитие не протекает с той интенсивностью, с какой бы хотелось, но уже сегодня мы можем расстаться окончательно с образом человека как «мешка с молекулами», который не один век доминировал в нашей науке. Наука признает существование уровней психического аппарата, и что особенно радует, уровней бессознательного восприятия и познания. В отношении понимания функциональных особенностей бессознательного уровня психики существуют различные парадигмальные подходы. Мы попытаемся представить аналитические представления. “Психическое как отражение мира и человека представлено в столь безмерной сложности, что существует бесконечное множество аспектов его рассмотрения”. [7,161] «Под «психической субстанцией» Юнг понимает не только то, что мы обычно зовем душой, но совокупность всех психических процессов - как осознанных, так и бессознательных» [6,392]. Психическая субстанция достаточно широкое понятие, которое может быть представлено как функционирующее единство сознания, “Я” и бессознательного. Итак,

психическая субстанция - понятие в чем-то универсальное, во всяком случае, претендующее на таковое. Душа в терминологии К. Юнга является ограниченным функциональным комплексом. Душа - это внутренняя личность, с которой "Я"-сознание вступает во взаимодействие, точно также как и внешняя личность, взаимодействующая с социальным миром. Таким образом, душа человека может быть представлена как целостное образование, состоящее из двух важных блоков - внешней души-Персоны (душа для других) и Анимы (душа для себя). "Внутренняя личность - это способ поведения человека по отношению к собственным внутренним психическим процессам; это внутренняя установка человека, его характер (душа рассудочная), проявляющийся в его отношении к сфере бессознательного. Эту внутреннюю установку я обозначил термином анима или душа. Внутренняя установка часто требует такой же степени автономности, что и внешняя, осознанная установка личности. Внутренняя установка обычно включает все те человеческие качества, которых недостает осознанной установке". [6,391] В самом общем виде, психическая инстанция включает в себя сознание, "Я" и бессознательное, которые необходимо рассматривать как взаимодействующие инстанции, компенсирующие друг друга. Причем "Я" личности занимает промежуточную или пограничную психическую территорию. "Я" расположено на территории двух границ, с одной стороны, "Я" граничит с сознанием, с другой - с бессознательным. Области сознания и бессознательного находятся в постоянной функциональной связи, носящей, как мы об этом уже говорили, компенсаторный характер. Стабильность границ сознания и бессознательного условна. Эти границы постоянно, можно сказать, ежеминутно, подвергаются изменениям, это динамические, а не статические границы. Прежде всего, в понимании психической субстанции необходимо исходить из того, что сознание и бессознательное имеют различную семантическую нагрузку. Сознание - это плод поздней дифференциации, как гениально сказал К. Юнг, бессознательное является матерью сознания и самосознания. Сознание занимает психологическую территорию, значительно уступающую территории бессознательной инстанции. Что касается "Я", то эта часть психической субстанции функционирует в границах адаптации личности к окружающей среде. "Говоря "Я", я имею ввиду комплекс представлений, составляющих центр моего поля сознания и в очень высокой мере наделенный свойствами непрерывности и самоотождествленности". [6,394] "Я", по К. Юнгу, становится познаваемым и является субъектом сознания. Какова функция сознания в таком случае? Сознание берет на себя деятельность по обеспечению связи между "Я" и целостной психической инстанцией. Это допущение вполне логично: каждое наше переживание обретает плоть и кровь, лишь переходя порог "Я". Психический мир становится познаваемым с помощью "Я" и никак не иначе. Даже при нашем утреннем пробуждении мы приобретаем чувство телесности благодаря нашему "Я". Те же психические содержания, которые не переходят этот порог, то есть остаются подпороговыми, оказываются вне досягаемости для сознания. И. Якоби высказывает в этой связи ряд ценных

замечаний: сознание нельзя отождествлять с мышлением, так как это разные понятия; существует сознание чувства, сознание воли, страха. “Сознание бывает выражено в разной степени: от изолированных актов простого восприятия до глубокого анализа и оценки явлений” (Дух и жизнь, с. 394). Структура психической инстанции по К. Юнгу, может быть представлена следующим образом: 1. *Сфера “Я”*, 2. *Сфера сознания*, 3. *Сфера личного бессознательного*, 4. *Сфера коллективного бессознательного*. В отличие от Фрейда, Юнг не выделяет в отдельную сферу “предсознательное”, а включает этот уровень в личное бессознательное. Судя по всему, понятие “предсознательное” нуждается в серьезном обосновании для того, чтоб завоевать свое “место под солнцем” в психической инстанции. Вводя понятие “предсознательное”, З. Фрейд имел в виду те психические содержания, которые легко могут перейти порог сознания, без применения особых методов.

Возможно, стоит схематично отдельно представить сферу бессознательного: инстанция бессознательного содержит 3 уровня:

1. Часть коллективного бессознательного, которая никогда не может стать достоянием сознания.
2. Сфера коллективного бессознательного.
3. Сфера личного бессознательного.

Таким образом, сфера бессознательного дифференцируется на два уровня: личного и коллективного бессознательного. “Коллективная составляющая бессознательного не включает те элементы, которые приобретаются индивидом в течение его жизни и специфичны для его “Я”; содержимое коллективного бессознательного всецело проистекает «из унаследованных нами функциональных возможностей психической субстанции, то есть из структуры человеческого мозга как такового» [6,395]. Бессознательное намного старше сознания, практически каждый день из сферы нашего бессознательного выплывает сознание, прихватив нечто по пути. Структура психического представляет собой сложнейший феномен, который с трудом поддается рациональной интерпретации. Однако, тем не менее, попытаемся представить эту сферу юнгианского подхода. Как можно понимать сознание, какова структура последнего? **Прежде всего, сознание может быть определено как представитель внешнего мира в мире внутреннем.** К. Юнг высказывает ряд положений о сущности сознания, в частности, то, что психология является по преимуществу наукой о сознании. И лишь с помощью сознания и благодаря ему мы можем знать о существовании бессознательной сферы психики. Человек не может изучать бессознательное непосредственно “в лоб”, так как прямой связи у нас нет с этим уровнем психики. На самом деле мы всегда пытаемся выразить бессознательные мыслепереживания с помощью сознания, в терминах сознания - ведь иначе и невозможно. Согласно К. Юнгу, сознание дискретно по своей природе, мы добрую половину нашей жизни переживаем и проживаем в бессознательном состоянии. Мы каждый день оказываемся в объятиях Морфея, переходя в состояние сна. Наше детство полностью протекает под эгидой

бессознательного - это одно из краеугольных положений психодинамики вообще. Конечно же, это означает, что какой-то определенный уровень сознания в детские годы все же функционирует, то есть в какой - то мере мы себя чувствуем в качестве осознающих субъектов. **Конечно, проблема степеней ясности сознания существует, тем не менее, общепринятым и обоснованным является то, что мы являемся в той степени сознательными, в какой можем судить и рефлексировать в отношении своего "Я".** Быть в сознании означает, прежде всего, способность рефлексировать, осознавать свое Эго, то есть сделать для себя очевидным состояние "Я есть". Мы часто не можем вспомнить детские годы по очень простой причине: в это время у нас не было развито это сознание "Я есть". Именно поэтому многие из нас свои ранние воспоминания относят именно к 3-4 летнему возрасту, когда впервые в жизни мы говорим о себе "Я". Это единственное слово во всех языках, которым человек обращается только к себе. Но с 3-4 летнего возраста сознание "Я", или "Я"-сознание носит фрагментарный характер, оно находится в процессе рождения. Оно порождается бессознательным. После рождения, в раннем детстве, с процессом зарождения "Я"-сознания, бессознательная сфера закрывается для непосредственного восприятия. Эволюция психики требует развития "Я"-сознания, поэтому образуется занавес, отделяющий сознание от бессознательного. Поэтому наша память простирается до этого занавеса. Но дар сознания дается нам с массой лишений. Как пишет К. Юнг, с помощью сознания мы не способны мыслить целостно, мы не способны удерживать целостные образы, потому что сознание слишком узко, и видим мы лишь вспышки существования. Как будто наблюдаем мир сквозь узкую щель и видим лишь отдельные фрагменты, упуская целое. И это самое целое, непонятное и темное, пребывает именно в бессознательной сфере. Сознанию на протяжении нескольких столетий отводилась достаточно скромная роль: даже в XIX веке оно часто понималось как вместилище ощущений и восприятий [7,162].

Nihil est in intellectu, quod non antea fuerit in sensu - гласит известная формула. В отличие от Фрейда, выводящего бессознательное из сознания, К. Юнг исходит из обратной позиции: сознание является продуктом бессознательного, а не наоборот. Для этого предположения аргументов искать не надо: все наше раннее детство протекает в бессознательном режиме, в режиме инстинктивной активности. И лишь позже в нашей психике пробуждается "Я" - сознание. Сознание является и филогенетически и онтогенетически более молодым образованием, в сравнении с древним и мудрым, а часто непредсказуемым бессознательным уровнем психики. Наверное, поэтому наше сознание постоянно нуждается в отдыхе, оно истощается за день, оно нуждается в постоянной реанимации с помощью того же самого бессознательного. К. Юнг приводит многочисленные примеры понимания сознания примитивными племенами. Для многих из них мышление не может быть локализовано в голове, человек мыслит желудком, сердцем, почками. Древние евреи после утреннего пробуждения от тревожного сна говорили, что бог ночью терзал их почки. В

эзотерике принято считать, что почки являются внутренним мышлением человека, точно так же как и печень является внутренним зрением и представлена в мифологии фигурой двуликого Януса. Психическая локализация сознания постоянно претерпевала изменения. Но уже в XIX веке сознание обрело постоянное место жительства - оно поселилось в голове. А то, что не является сознанием, но существует и интенсивно воздействует на нас, локализовано ниже сознания, под сознанием. О сознании мы можем судить лишь благодаря одному фактору - фактору Эго. Именно благодаря Эго мы знаем, что имеем сознание. Согласно К. Юнгу, если нечто не связано с Эго, то это нечто не осознается. Однако психика функционирует всегда, она не прекращает свою деятельность ни в бодрственной жизни, так и в состоянии сна. Находясь в сознании, функционируя в сознательной деятельности, наше бессознательное также не дремлет. И, наоборот, в состоянии сна мы также обладаем неким уровнем сознания. Хотя сон является состоянием, в котором сознание в значительной степени ограничено, однако психическое ни в коей мере не перестает существовать и действовать. Сознание просто отступает от него и вследствие отсутствия предметности, поддерживающей его внимание, превращается в относительную бессознательность. Но, разумеется, психическая жизнь при этом продолжает идти своим чередом, равно как и бессознательная психическая жизнь не прекращается во время бодрствования» [7,165]. В психической деятельности мы не найдем «чистых» сознательных или бессознательных процессов, один процесс переливается в другой и один существует за счет другого. Мы, являясь сознательными существами, практически постоянно грешим бессознательными высказываниями, оговорками, забывчивостью, слуховыми ошибочными действиями. Обо всем этом подробно писал З. Фрейд. Но оговорка выдает правду (*Lingua lapsa verum dicit*). Если бы наше сознание имело некий универсальный характер, то каждое наше слово было бы к месту, каждое наше высказывание было бы осознанным, каждый акт поведения полностью соответствовал бы наличной ситуации. Но дело обстоит совсем не так, как хотелось бы думать, уже то, что хочется так думать, говорит о том, что это не так. Но парапраксии имеют огромную терапевтическую и диагностическую ценность - они позволяют понять реальные мысли человека, его истинные намерения. Гениальная фрейдовская идея о главной функции языка используется в психоанализе с высокой долей продуктивности - язык, помимо всего прочего, действительно создан для того, чтоб человек мог скрывать свои мысли. Но вместе с тем он не только их скрывает, но также указывает на их истинный источник - оговорки и другие ошибочные действия обнажают нашу бессознательную мотивацию. Сознательные и бессознательные процессы не могут не переплетаться - ведь один уровень психики выводится из другого. Кроме того, далеко не надуманной является мысль о том, что бессознательное - это архаическая, древняя форма сознания. Уровень развития бессознательного, конечно же, опережает уровень сознания. Это некий резервуар, из которого сознание постоянно черпает знания в их

недифференцированном виде. Но бессознательное не ограничено знаниями, этот слой психики несет ответственность также за психосоматическое здоровье человека. Сложно перечислить все функции бессознательного уровня психики, так как мы пытаемся понять этот уровень с точки зрения сознания, иного не дано. Однако признавать факт существования бессознательного и переживать этот уровень психики – совершенно разные вещи. Сложность проникания бессознательного, прежде всего, состоит в его смысловой многозначительности. Для современного состояния сознания более приемлем каузальный способ рассмотрения мира, для нас все должно находиться в причинно-следственной связи. При этом причины, как правило, всегда должны быть очень близкими, они должны находиться в простой временной, хронологической последовательности. Однако для бессознательного уровня психики часто причина того или иного психического расстройства лежит не в непосредственной близости, а отстоит намного дальше. Понятие причины для бессознательного уровня психики не ограничено временем, причина не должна быть обязательно непосредственной: в сложной цепи формирования расстройства причины могут скрываться в очень отдаленных звеньях, вплоть до пренатального состояния. То, что для сознания является временем – для бессознательного становится состоянием. Для бессознательного слоя психики событие, которое произошло в конкретном возрастном срезе, происходит всегда. То, что произошло с человеком один раз в бессознательном отпечатывается навсегда и происходит всегда. Состояние, сформированное в бессознательном, к примеру, травматические переживания, остаются действенными, они не уходят в хронологическую цепочку, они остаются психическим фактом вне временной последовательности. Наши сновидения – прямое тому доказательство. “Много раз я был свидетелем того, как не мыслившиеся сознательно днем мысли и не переживавшиеся сознательно чувства позже появлялись в сновидениях и, таким образом, окольным путем достигали сознания” [7,167]. Прежде всего, это означает, что уровень бессознательного значительно чувствительней сознания, то, что с нами происходит не всегда осознается, но всегда переживается и запечатлевается в бессознательном. Мы вправе теоретически дифференцировать наше сознание от нашей эмоциональности, мы вправе отводить сознанию рациональность, а эмоциям – иррациональность. С такой же наивностью мы полагаем, что все, что связано с сознанием, лишено неопределенности. Для сознания все имеет свое место, все должно быть объяснимо в каузальной реальности. Идеал мыслящего сознательного человека сконструирован из логической картины мира. Наши эмоции не находят в этой картине своего места, они пока не прошли рациональную фильтрацию, поэтому они в чем-то ущербны. Так как только то, что имеет рациональное обоснование, является мировоззренческой, человеческой ценностью. Эмоциям мы отвели место под порогом сознания, мы от них избавились, убрав из поля зрения. Но с другой стороны, практически любая психотерапевтическая модель, так или иначе, затрагивающая воображение, ставит своей целью достижение осознания эмоций.

Рациональный человек избавился от эмоций и так же рационально пытается их вернуть в сферу сознания. Мы стремимся к формированию сознательных эмоций, однако при этом не понимаем, что, даже достигнув этого, мы уже не имеем дело ни с эмоциями, ни с сознанием. Мы имеем дело с болью. Боль, строго говоря, это осознание эмоций, или несколько иначе: когда эмоции обретают сознание, то у нас возникает боль, некая плата за осознание. Если исходить из психосоматических принципов, то можно предположить, что боль возникает именно вследствие осознания чувств, мы ведь употребляем выражение “чувство боли”, то есть это чувство, перешедшее в боль – боль становится трансформированным чувством. Это значит, что боль не является соматическим феноменом, нагрывшим извне, боль является продуктом бессознательных процессов или следствием перехода иррациональных содержаний в сферу рационального самопознания. В сферу сознания пробиваются иррациональные переживания (хотя и рациональных переживаний не существует) бессознательного слоя психики. Они сформировались в течение определенного времени, в результате определенных травматических воздействий. ***То, что человек вытесняет в бессознательное не становится прошлым, оно становится вечным.*** Таким образом, формируются инородные психические тела, не ассимилированные, не переваренные целостной психосоматической структурой личности. И как всякое инородное тело, попавшее в организм, эта психическая инородность закономерно вызывает физическую боль и заболевания психогенного характера. Именно таким является один из механизмов формирования психосоматических заболеваний. Но, с другой стороны, бессознательный уровень психики не ради забавы провоцирует подобные переходы. Инородность психического должна быть осмыслена, должна быть осознана, иначе она будет постоянным генератором различных расстройств. Инородность должна перерасти в однородность. И этот процесс требует активизации глубоких пластов бессознательного уровня психики. Тем не менее, мы сейчас выскажем несколько парадоксальную мысль: то, что мы называем бессознательным уровнем психики, может быть уровнем более глубокого сознания. И дело тут не в терминологии. Это тот уровень сознания, который не востребован нашей современной жизнью, нашей психикой. То, что мы привыкли величать коллективным бессознательным, может быть назван также уровнем глубокого сознания.

Так, в эзотерике считается, что существует четыре этапа эволюции психики, в частности, выделяются следующие этапы: сознание глубокого транса, которое соответствует в астрологии сущности планеты Сатурн, сознание глубокого сна без сновидений, что соответствует Солнцу, сновидческое или лунное сознание, бодрствующее, земное или предметное сознание.

Хотя и в аналитической психологии между коллективным сознанием и коллективным бессознательным проводится различие, тем не менее, мы полагаем, что всякий уровень бессознательного вполне может быть интерпретирован как уровень более глубокого сознания. Можно сослаться на психиатрический опыт многих известных ученых: в состояниях психоза раскрывается содержание,

присущее сознанию давно ушедших предков. Сознание наших предков мы сегодня называем бессознательным уровнем психики. Но так как в нашем психологическом мире прижилось понятие “коллективного бессознательного”, мы станем употреблять именно его. Человек в своем коллективном бессознательном хранит древние ступени сознания, которые в процессе филогенеза были преодолены, но при этом сохранены в своей первозданности. Но если психика хранит реликты прошлого, значит сома также наделена памятью органической эволюции. Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что чувство телесности всегда связано с чувством “Я”. На уровне бессознательного психического чувство телесности исчезает, так как засыпает также чувство “Я”.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Петрушин В.И.** Время вокруг нас. Психология времени. -М.:Рост-книга, 2002
2. **Першин Ю. Ю., Ахмадишина В. И.** Архаическое сознание и религиозность человека: очерки по археологии религии. – Омск: Социокосмос, 2012
3. **Самохвалов В.П.** Психический мир будущего. Симферополь: КИТ, 1998
4. **Штайнер Р.** Теория и практика медитации. Ереван, “Лонгин”.- 2009
5. **Холлис Дж.** Мифологемы, “Класс”, М.2010
6. **Юнг К. Г.** Дух и жизнь, М. Практика, 1996
7. **Юнг К.Г.** Структура и динамика психического. М.: “Когито-Центр”, 2008

ՎԼԱԴԻՄԻՐ ՄԻԿԱԵԼՅԱՆ

հոգեբանական գիտությունների դոկտոր

ՄԱՐՄՆԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ԶԳԱՅՈՒՄԸ ԵՎ ԵՍ-ԶԳԱՅՈՒՄԸ ՀՈԳԵԿԱՆԻ ՄԱԿԱՐԴԱԿՆԵՐԻ ԳՈՐԾՈՒՆԵՈՒԹՅԱՆ ՀԱՄԱՏԵՔՍՏՈՒՄ

Մեզնից յուրաքանչյուրը, կախված կենսական և մասնագիտական հետաքրքրություններից, ժամանակ առ ժամանակ բախվում է, ինչպես մենք ենք անվանում, **Ես**-ի խնդրին: Թերևս այս ոչ անբնական հիմնախնդիրը կանգնում է մեր առջև, անկախ նրանից՝ ցանկանում ենք մենք դա, թե ոչ: Ինչպե՞ս ենք մենք հասկանում մեր մտքերը: Ինչպե՞ս ենք հասկանում մեր **Ես**-ը: Ինչի՞ հետ ենք մենք կապում **Ես** հասկացությունը, և արդյո՞ք գոյություն ունեն սահմաններ այդ հասկացության համար: Մենք կարող ենք գտնել հարյուրավոր որոշիչներ **«Ես»** հասկացության համար, որոնցից յուրաքանչյուրը բացում է այդ հասկացության որոշակի սահմաններ: Ըստ մեզ՝ ճիշտ պատկերացումն հետևյալն է՝ հասկանալու համար, թե մենք ինչ կարող ենք մտածել՝ խոսելով մեր **Ես**-ի մասին, անհրաժեշտ է պարզել, թե ինչի հետ է զուգակցվում մեր **Ես**-ը: Այնուամենայնիվ, մենք որոշում ենք այս հասկացությունը այն զուգակցելով հոգեկան այլ կառույցների հետ: Այս հասկացությունը ինքնարժեք չէ, իր որոշման համար այն կարիք ունի որոշակի զուգակցման: Մեր պատկերացմամբ՝ նման հաստատուն կառույցով կարող է լինել նաև ֆիզիկականությունը:

VLADIMIR MIKAELIAN

Doctor of Psychology

THE SENSE OF CORPORALITY AND THE SENSE OF “I” IN THE CONTEXT OF THE FUNCTIONING OF PSYCHE LEVELS

Each of us, regardless of our life and professional interests, from time to time faces what we call the “I” problem. A far far-fetched problem periodically positions itself before us, whether

or not we want it at all. How do we understand what we are thinking about? How do we understand our "I"? What do we associate this concept with and are there autonomous boundaries for this concept? We can find almost a few hundred definitions of the concept of "I", each of which reveals a certain facet of this concept. We consider the following to be right: to understand what we can conceive, speaking of our "I", we need to find out what correlates our I. After all, one way or another we define this concept in relation to other psychic constructs. This concept is not self-sufficient, for its definition it needs some correlation. It seems to us that this specific construct design can be corporality.

Հոդվածը ներկայացվել է տպագրության 25.07.2019թ.,
նույն օրվա վրա է գրախոսության 02.08.2019թ., ընդունվել է տպագրության 20.08.2019թ.:

ՀՏԴ 339.7(479.25)

ԿԱՐԵՆ ՄԱՐԳՍՅԱՆ

տնտեսագիտության թեկնածու, դոցենտ

**ՆԵՐՐՈՒՄԱՅԻՆ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ԲԱՐԵԼԱՎՄԱՆ
ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅՈՒՆՈՒՄ՝
ՆԵՐԱՌԱԿԱՆ ՏՆՏԵՍԱԿԱՆ ԱՃԻ ԱՊԱՀՈՎՄԱՆ ՀԱՄԱՏԵՔՍՈՒՄ**

Համառոտագիր

Տնտեսության կայուն առաջընթացի կարևորագույն նախապայմաններից մեկը տնտեսական աճի ներառականության ապահովումն է, և այս առումով կարևոր դերակատարում ունի պետական ներդրումային քաղաքականության ուղղվածությունը, որի միջոցով հնարավոր է ինչպես տեղական, այնպես էլ օտարերկրյա ներդրումների հոսքերն ուղղել դեպի տնտեսության ռազմավարական, գիտելիքահեն և ռեսուրսախնայող ոլորտներ, որոնց զարգացումն իր հերթին կխթանի Հայաստանի տնտեսության առաջանցիկ զարգացումը: Այդ ուղղությամբ անհրաժեշտ են գիտականորեն հիմնավորված և համակարգային բարեփոխումներ՝ շուկայական տնտեսական համակարգի ինստիտուտների զարգացման, օրենսդրական դաշտի բարելավման և ներդրումային քաղաքականության նոր սկզբունքների ու մոտեցումների սահմանման ուղղությամբ:

Հանգուցային բառեր և արտահայտություններ՝ ներառական տնտեսական աճ, ներդրումային քաղաքականություն, տեղական և օտարերկրյա ներդրումներ, մարդկային կապիտալի զարգացում:

Տնտեսության մեջ ներդրումային գործընթացների վրա ազդող կարևորագույն լծակներից է պետական ներդրումային քաղաքականությունը, որը կանխորոշում է դրանց կարգավորման, ինչպես նաև ներդրումների հոսքերի խթանման հիմնական ուղղություններն ու պայմանները: Ակնհայտ է, որ արդյունավետ ներդրումային քաղաքականության միջոցով հնարավոր է ձևավորել ներդրումային բարենպաստ միջավայր, որը ցանկացած երկրի